

«Вненаходимые пространства» технопарков позднего социализма

Н.П. Кнэхт

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

nataknekht@gmail.com

Автор пытается наметить пути построения новой, более глубокой онтологии Советского Союза как динамического взаимодействия человеческих и «нечеловеческих» акторов, создающих специфику «природы-культуры» позднего социализма. В статье рассматривается влияние военно-промышленного комплекса на географию и жизнь людей. Отталкиваясь от концепции «перформативного сдвига» (Алексей Юрчак), автор показывает, что советская карта отражает специфический меняющийся технонаучный объект, расположенный на границе Природы и Общества.

Ключевые слова: «поздний социализм», «пространства ненаходимости», техносфера.

«Non-discoverable-spaces» of full-fledged socialism's technological parks

N.P. Knekht

National Research University MIET

nataknekht@gmail.com

The author tries to outline the ways to build a new, deeper ontology of the Soviet Union as a dynamic interaction of human and «non-human» actors that create the specifics of the «nature-culture» of late socialism. The article examines the influence of the military-industrial complex on the geography and life of people. Starting from the concept of «performative shift» (Alexey Yurchak), the author shows that the Soviet map reflects a specific changing technoscientific object located on the border of Nature and Society.

Keywords: late socialism, non-discoverable spaces, technosphere.

Исследование советских реалий «позднего социализма» актуально для анализа других исторических и культурных контекстов. В более широком философском и методологическом аспектах они нередко представляют собой опыт критического переосмысления доминирующей сегодня в социальных науках эпистемологической парадигмы, об-

щепринятых аналитических моделей, понятий и категорий.

Особенно это касается изучения недавно закончившейся советской эпохи. История позднесоветского периода связана с процессами идеологического «перформативного сдвига» [9, с. 29—164]. В советском обществе сформировались особые социальные

пространства и появился особый вид взаимоотношений людей, природы и государства — «внеаходимость» и особый тип осуществления государственной власти — «политика внеаходимости» [9, с. 255—552]. Эти процессы, явления и объекты не открываются исследователю в оптике общепринятых моделей историко-научных и социально-политических исследований, которые, как правило, основаны на выявлении функционирования бинарных оппозиций («подавление-сопротивление; свобода-несвобода; правда-ложь, частное-публичное; позитивное-негативное») и пр. [7, с. 41—56]. Логика бинарных оппозиций упрощает и не «схватывает» более сложную — «внеаходимую» — повседневную реальность до и после распада Советского Союза.

Нильс Бор говорил: «Истины бывают ясные и глубокие. Ясной истине противостоит ложь. Глубокой истине противостоит другая истина, не менее глубокая» [3, с. 25]. То есть то, что воспринимается ясным в силу очевидности, при смене исследовательской позиции оборачивается «кажимостью». После распада Советского Союза также и то, что скрывалось за благопристойным фасадом официальной идеологии, стало проявляться и становиться общедоступным фактом. Во-первых, огромное количество фабрик, заводов, комбинатов и электростанций (что составляло материально-экономический базис СССР) было построено с использованием принудительного труда заключенных. Во-вторых, желание засекретить эти предприятия (большая часть которых работала на военную промышленность) приводило к появлению в стране множества «закрытых» поселков и городов — ЗАТО — закрытые административно-технические образования.

Глобальный вопрос: «Был ли обвал советской системы неожиданным?» — актуализирует и другие вопросы: «Что произошло с границами? Как изменились географический и культурный ландшафты? Что произошло с техносферой и технопарками?» Распад СССР спровоцировал бум исследований

культурного ландшафта России, однако совершенно неизученной осталась сфера военно-промышленного комплекса, его влияние на географию и жизнь обитателей этих земель.

Чтобы восполнить эти пробелы, имеет смысл изучить «симптомы» внутренних изменений, «невидимые зоны», «пространства внеаходимости». Для этого нужно изменить исследовательскую оптику: уйти от классических макросхем и универсальных категорий и обратиться к языку феноменологии, антропологии, этнографии, т.е. к изучению повседневных контекстов. Нас будет интересовать «период тридцатилетней советской истории с конца сталинского периода до начала перестройки (начала 1950-х — середина 1980-х годов)» [9].

Под советской системой мы будем понимать «совокупность социокультурных, политических, экономических, юридических, идеологических, официальных и неофициальных, публичных, личных и других видов отношений, институтов и смыслов, которые вплетены в пространство жизни людей» [6, 149—150]. В таком понимании система не эквивалентна понятиям государство, культура, общество, менталитет, т.к. включает в себя элементы, которые выходят за пределы этих понятий, не всегда видны государству, непонятны и неподконтрольны ему.

Развитие советской технауки сопровождалось созданием многочисленных НИИ (научно-исследовательских институтов) и НПО (научно-производственных объединений), которые финансировало государство в целях укрепления милитаристской мощи. Однако в пределах этих учреждений сотрудники обладали сравнительно высокой степенью творческой свободы. «В состоянии «внеаходимости» по отношению к авторитарному дискурсу находились даже те группы и сообщества, которые были частью государственной системы, пользовались государственным финансированием и привилегиями: инженеры, научные сотрудники, ученые.

В основном это, конечно, физики-теоретики (в отличие от физиков-прикладников). Они могли самостоятельно выбирать научную тематику и проводить исследования в условиях относительной независимости от идеологических ограничений и государственного контроля» [9, с. 278].

Это особое пространство создавалась благодаря свободному обмену научными идеями, дружбе, общим интересам и социальным практикам научных походов, пения под гитару, изучения археологии, альпинизма, походов на байдарках, чтения самиздатской литературы и пр. Результатом этих практик было создание *нового режима темпоральности*: время, проведенное внутри государственной системы, одновременно оказывалось временем, проведенным за ее пределами. Эту вненаходимость идеологического, символического, ментального порядка мы попытаемся соотнести с вненаходимостью социальной, географической, физической.

Социальные географы, психогеографы и антропологи различают понятие *пространства* вообще (space) и понятие конкретного *места* или *местоположения* (place). Согласно распространенному пониманию, пространство рассматривается как огромный «единый» фон, из которого как бы «вырезаются» конкретные «отдельные места». Таким образом, каждое конкретное *место* рассматривается как частный случай общего бесконечного пространства. Можно представить карту как большой пестрый ковер. Такой абстрактный взгляд противоречит реальному человеческому опыту. Человек никогда не воспринимает пространство целиком, а всегда в конкретном ограниченном «месте». Это место расположено не внутри пространства, а наоборот, место содержит в себе пространство, организует его.

Так и кажущаяся пространственно-временная однородность и тотальность системы

позднего социализма была повсюду пронизана необычными формами существования — закрытыми зонами. Государство их создавало, но полностью понять и описать не могло. В эпоху позднего социализма была популярна повесть братьев Стругацких «Пикник на обочине». Главный герой книги — Сталкер — это человек, который, нарушая запреты, проникает в *Зону* — таинственное, аномальное место. Позже *сталкерами* стали называть проводников, ориентирующихся в различных запретных и малоизвестных местах и территориях [10, с. 82—86]. Позднее это название распространилось на любителей индустриального туризма, которые посещали заброшенные объекты и города-призраки¹ с целью *увидеть* территорию *ногами* и удовлетворить исследовательский интерес (urban exploration). Так появилось гаптическое (осязательное) восприятие географического пространства.

В современной России «призраками» являются множество городов и поселков Крайнего Севера и Дальнего Востока, такие как Кадыкчан (Магаданская обл., 1943-2001), Хальмер-Ю (Коми, 1957-1993), Ынычкан (Якутия, 1937-2008), Иультин (Чукотский АО, 1953-1995) и др.

Кроме городов-призраков существуют по сегодняшний день закрытые города, города-невидимки. *Зону* из повести Стругацких можно рассматривать как метафору огороженных охраняемых территорий, реально существовавших в Советском Союзе. Это «лагерные *зоны*» закрытых атомных городов», и «зоны отчуждения» (Чернобыль). «Зона» была как бы дополнительным измерением всего советского пространства.

Только в центральной России их было семь: Центр разработки атомного оружия (**Арзамас—16**); Институт физики высоких энергий (**Серпухов—7**); Военно-биологический

¹ Города-призраки (ghost towns) — географические объекты, бывшие населенные пункты, покинутые жителями из-за спада экономической активности, природных и техногенных катастроф. Это «уцелевшие, но непригодные для жизни города, например, город Припять, население которого было эвакуировано в результате аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году» (http://ru.wikipedia.org/wiki/Покинутые_населённые_пункты).

институт (Загорск—6); Дивизия ракетных войск стратегического назначения (Бологое—4); Радиолокационная станция дальнего обнаружения (Чехов—7); Полигон для испытаний лазерного оружия (Владимир—30); Центр подготовки космонавтов (Щелково—14).

Известно, что «мир технауки» является частью военной машины. «Закрытые города», АТС, радиолокационные станции, испытательные полигоны и другие подобные предприятия могли оказывать влияние на близлежащие области, на страну в целом — но при этом не были изображены на картах и не имели адреса — их именовали «почтовыми ящиками».

Так, например, город Саров (бывший Арзамас—16) — один из самых секретных городов России. Здесь находится Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ). Это важнейшее структурное подразделение Минатома. Когда жителям показали карту, где впервые был обозначен их город, один из арзамасских физиков заметил: «*Мы нигде не находимся*». Обитатели этого городка называли его просто привычным словом *Объект*.² Прежде на этом месте располагался знаменитый Саровский монастырь, который возник в самом начале XVIII века. На самом деле лишь небольшая часть города Сарова находится в Нижегородской области. Основная территория ядерного центра — там, где на всех картах значится Мордовский государственный заповедник.

По разным подсчетам в Советском Союзе существовало больше 60 закрытых городов, которые даже не были нанесены на карту. Граждане, проживающие в этих городах, давали подписку о неразглашении. В целях сохранения секретности закрытому территориально-административному обра-

зованию (ЗАТО) не давали уникальных названий, а лишь прибавляли цифры к наименованию областного центра. Благодаря этому крупные города служили своеобразным прикрытием для закрытых населенных пунктов.

Стройки социализма неизбежно сопровождались активным «перекраиванием» земель. Ландшафт Сибири предстает изрезанным различными историческими пластами, его время оказывается многослойным. Это время Сибири до освоения, до возникновения слова «Сибирь», затем период царизма, советское время, и наконец, «постсоветское» время. Показательна в этом отношении история образования города Братск. Город возник в связи со строительством Братской ГЭС на реке Ангаре. Вода Братского водохранилища затопила 119 населенных пунктов, в том числе и старый поселок Братск. Для местного населения это была настоящая трагедия.

Конечно, экологическая ситуация в подобных населенных пунктах была опасной. Поселение, созданное искусственно, захватывало и искажало большой кусок красивой земли; этот кусок был вырван из ландшафта. Климат, плотность населения, уклад жизни не имели для государства значения. Государство своими решениями создавало очередную технопарк (ЗАТО или рядовую АЭС) и агрессивно внедрялось в природную среду [5, с. 42—48].

Показательным примером является также Калининская АЭС, которая и сегодня ведет себя как «вненаходимое» пространство. К электростанции нельзя подойти вплотную, она «закрыта» для посторонних, однако ее присутствие угадывается по множеству производимых ею термодинамических эффектов. Это сияющее во тьме зарево огней; плотные облака пара над очертаниями берегов и водной гладью; крупные

² История появления этого объекта известна: это творение-симбиоз «власти и науки» (совместный проект Лаврентия Берия и Игоря Курчатова). «Неожиданно на карте России появился город, местоположение и наименование которого долгое время были государственной тайной. У этого города было много разных названий: Кремлёв; Арзамас-75; Горький-130; Шатки-11; Москва-300. Позже он получил название Арзамас-16, которое сегодня является наиболее известным» (<https://fishki.net/1676318-arzamas-16-sarov.html>).

упитанные карпы, которых выводят в подогретом озере и которых никто не покупает из-за неприятного «ватного» вкуса [8, с. 183—184]. Калининская АЭС искажает природный ландшафт, превращает живописное озеро Удомля в пруд-охладитель атомных реакторов. Это лишь один из примеров.

Деформация местности, «разрывы ландшафта», которое производили «черные ящики» отражалось в картографии — сознательное неправильное нанесение на карту для народа объектов стратегического назначения из-за соображений секретности.

Численность «закрытых городов» была почти равна «открытым» [2, с. 218]. Практически закрытыми оказывались целые большие районы, что создавало *неодинаковую проницаемость* индустриальной среды Советского Союза. Огороженные охраняемые территории приобретали метафору «закрытых атомных городов». На них случайно наткнулись археологи-любители, альпинисты, геологи, походные туристы, паломники, бродяги-бомжи, писатели-следопыты.

После распада СССР и с развитием спутниковых и цифровых технологий советская карта стала представлять мерцающе изменчивый вид. Некоторые объекты «рассекретили», они превратились из «невидимых» в «видимые».

Загорск—6 и Загорск—7 — это два закрытых города располагались около Загорска — современного Сергиева Посада. В Загорске—6 находился Вирусологический центр научно-исследовательского института микробиологии [1]. Загорск-6 до сих пор является закрытым городом. А вот Загорск—7 был менее секретным, там разрабатывалось новейшее ядерное оружие. Этот населенный пункт был лишен статуса закрытого города в 2001 году.

Свердловск—45 (Лесной). Этот город строили сразу как закрытый. Местные жители работали на заводе, который занимался обогащением урана. По планировке Лесной сравнивали с Ленинградом. На данный

момент этот город все еще имеет статус закрытого.

Мирный. Раньше Мирный был обычным военным городком, но с 1966 года ему присвоили статус закрытого из-за того, что рядом находился космодром Плесецк. Охрана проверяла документы лишь на подъездных дорогах. Из-за этого на территорию часто забредали грибники или жители соседних деревень. На данный момент Мирный тоже сохранил статус ЗАТО.

Балаклава. Во времена «холодной войны» город имел статус закрытого: рядом располагалось засекреченное предприятие по ремонту подлодок. Оно было построено прямо в искусственном гроте, а холм служил заводу маскировкой. В годы СССР этот город даже не был нанесен на карты. Сегодня Балаклава принимает туристов, а в гроте, где был завод, функционирует музей.

Продолжая тему закрытых городов, на сегодняшний день можно упомянуть следующие: **Железногорск** (Красноярск—26, Соцгород, Атомград); **Заречный** (Пенза—19); **Снежинск** (Челябинск—70); **Северск** (Томск—7); **Озерск** (Челябинск—5); **Трехгорный** (Златоуст—36); **Зеленогорск** (Красноярск—45); **Новоуральск** (Свердловск—44)» [4, с. 25].

Сегодня с помощью системы GPS (глобальная система позиционирования) можно с высокой точностью определить местоположение объекта, отслеживать перемещение людей и грузов, прокладывать маршрут в незнакомой местности. Однако даст ли это нам лучшее, современное понимание пространства? Появляется перспективное понятие «когнитивное картирование» (cognitive mapping) — феноменальное переживание пространства, связанное с социальным воображением и новыми формами политической репрезентации. «Когнитивное картирование» возвращает нас в повседневный опыт — опыт чувственного, феноменального проживания/переживания пространства постмодернистского мира. Человек отчужден от того места, где он живет, если он не в состоянии

составить ментальную карту своего существования, будь то город или другой населенный пункт.

Таким образом, *внеаходимость* стала центральным принципом функционирования системы технопарков позднего социализма. Многочисленные «пространства внеаходимости» (не только физические, но и ментальные) постепенно приводили к «мутированию», внутреннему изменению идеологической системы СССР, которая становилась менее понятной и все более непредсказуемой. Это странное образование движущихся ландшафтов, меняющихся границ и исчезающих территорий позволяет интерпретировать СССР как протяженную мерцающую сеть человеческих и не человеческих, природных и социокультурных акторов.

Литература

1. **Барина О.** «Посторонним вход воспрещен»: тайны закрытых городов СССР и России // История РФ: [Электронный ресурс] / Российское военно-историческое общество. Соп. 2013—2020. URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/postoronnim-vkhod-vosprieshchion-tainy-zakrytykh-ghorodov-sssr-i-rossii> (дата обращения: 25.02.2021).

2. **Беловинский Л. В.** Энциклопедический словарь истории советской повседневной жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С.218.

3. **Довлатов С. Д.** Собрание сочинений: [в 4 т.] / [Сост. и подгот. А.Ю.Ар'ев]. Т. 3. СПб.: Азбука-классика, 2003. 456 с.

4. **Кокорев Д. А.** Городское самоуправление России: организационно-правовые особенности и сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2004. 25 с.).

5. **Конаков А.** Белла Улановская и «симметричная антропология» позднего социализма. // Транслит: Литературно-теоретический журнал. СПб., 2017. #19.С.43-48.

6. **Красникова М. М.** Анализ системы «позднего социализма» // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2018. Т. 10 № 15. С. 149—150.).

7. **Куприянов Б. В.** Детско-взрослые конвенции советского прошлого (по материалам современных воспоминаний о пионерском лагере 60—80-х гг. XX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2020. № 56. С. 41—56.

8. **Улановская Б.** Личная нескромность павлина: Повести и рассказы. М.: Аграф, 2004. С. 183-184.

9. **Юрчак А.** Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / пер. с англ.; предисл. А. Беляева. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 661 с. (Б-ки журнала «Неприкосновенный запас».).

10. **Яремчук О. В.** Интенсификация процесса калькирования в современном русском языке // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2018. № 7. С. 82—86.

Поступила 06.05.2021

Кнэхт Наталья Петровна — канд. филос. наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ», (124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д.1), nataekht@gmail.com

References

1. Barinova O. «Postoronnim vkhod vospreshchen»: tajny zakrytyh gorodov SSSR i Rossii // Istoriya RF: [Elektronnyj resurs] / Rossijskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo. Сop. 2013—2020. URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/postoronnim-vkhod-vosprieshchion-tainy-zakrytykh-ghorodov-sssr-i-rossii> (data obrashcheniya: 25.02.2021).

2. Belovinskij L. V. Enciklopedicheskij slovar' istorii sovetskoj povsednevnoj zhizni. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. S.218.

3. Dovlatov S. D. Sbranie sochinenij: [v 4 t.] / [Sost. i podgot. A.YU.Ar'ev]. T. 3. SPb.: Azbuka-klaskika, 2003. 456 s.

4. Kokorev D. A. Gorodskoe samoupravlenie Rossii: organizacionno-pravovye osobennosti i sravnitel'nyj analiz: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.02. M., 2004. 25 s.).

5. Konakov A. Bella Ulanovskaya i «simmetrichnaya antropologiya» pozdnego socializma. // Translit: Literaturno-teoreticheskij zhurnal. SPb., 2017. #19.S.43-48.

6. Krasnikova M. M. Analiz sistemy «pozdnego socializma» // Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya. 2018. T. 10 № 15. S. 149—150.).

7. Kupriyanov B. V. Detsko-vzroslye konvencii sovetskogo proshlogo (po materialam sovremennyh vospominanij o pionerskom lagere 60—80-h gg. XX v. // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psihologiya. 2020. № 56. S. 41—56.

8. Ulanovskaya B. Lichnaya neskromnost' pavlina: Povesti i rasskazy. M.: Agraf, 2004. S.183-184.

9. YUrchak A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie / per. s angl.; predisl. A. Belyaeva. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 661 s. (B-ki zhurnala «Neprikosnovennyj zapas».).

10. YArechuk O. V. Intensifikaciya processa kal'kirovaniya v sovremennom russkom yazyke // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2018. № 7. S. 82—86.

Submitted 06.05.2021

Knecht Natalia Petrovna, Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy, Sociology, and Political Science, National Research University «MIET» (124498, Moscow, Zelenograd, Shokina Pl. 1), nataknekht@gmail.com